

25 июля – День сотрудника органов следствия Российской Федерации

Без него не начинается ни одно расследование. До его приезда на место преступления никто не имеет права что-либо передвигать или трогать, будь ты хоть высокопоставленным чиновником, сотрудником правоохранительных органов или других структур, да хоть самим богом или дьяволом – нет ни у кого такого права.

Профессия следователь-криминалист является своего рода уникальной, поскольку соединяет в себе необходимость обладания знаниями из различных областей науки, техники и простого житейского опыта. С чем этим людям только не приходится работать, чего только они не видят. Зачастую их взору предстают ужасающие картины, в том числе сопровождающиеся неприятными запахами (гниение человеческого тела, экскременты, антисанитария жилищ и другое). Выдержать такое, согласитесь, не каждому под силу. Плюс к этому скрупулезная работа с большими объемами документов и информации, ненормированный рабочий график и

эмоционально тяжелые условия труда.

О том, чем все же привлекательна эта профессия, о методах работы, что первое потрясло и шокировало, а также о том, каждый ли может работать следователем-криминалистом, и многом другом в интервью «ВМ» рассказал **старший следователь-криминалист следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Магаданской области Александр МОРОЗОВ.**

Вопрос-ответ

– Александр Александрович, расскажите, как Вы пришли в профессию: мечтали о ней с детства или это дело случая?

– Признаюсь честно, я никогда не рассматривал вариант работы в правоохранительных органах. Не мечтал, не думал.

После окончания школы в 1998 году я планировал поступать в Хабаровский медицинский институт и даже получил направление от департамента здравоохранения, но в силу не зависящих от меня личных обстоятельств поступление пришлось отменить, я не поехал. На следующий год также не получилось, мне нужно было оставаться в Магадане. Тогда я стал искать обучение, приближенное к медицине, и подал документы в СМУ на факультет биологии и химии. Спустя пять лет я его успешно окончил.

Учась в институте, я параллельно работал в лаборатории генетики. По окончании института мне предлагали продолжить заниматься наукой и поступить в аспирантуру, но я отказался.

– Почему? Наука – это интересно, престижно...

– Мне не было это интересно, как говорится – не мое. Мне никогда не были интересны такие дисциплины, как зоология, ботаника и подобное. Более или менее меня привлекали химия и генетика. Но я понимал, что у нас в стране и тем более на тот момент времени изучение их абсолютно бессмысленно. Зачем изучать то, что в других странах уже давно изучено и реализовано? Для меня было и остается важным то, что все дела в ближайшем обозримом будущем должны приносить результат, поэтому с наукой я попрощался в тот день, когда получил диплом об окончании института.

– Получили диплом, что дальше?

– Я практически сразу устроился работать в УВД города Магадана экспертом медико-криминалистической группы экспертно-криминалистического отдела. Коллеги-биологи долго надо мной подшучивали, что я променял аспирантуру на работу в милиции. Они не ожидали,

да и я, повторюсь, этим не грезил. Но получилось как получилось, и спустя годы я об этом не жалею.

– Вас, биолога, не шокировала такая работа?

– Меня шокировала работа в УВД города Магадана, ее специфика.

– В чем она заключается?

– Сама специфика работы, заключающаяся в необходимости выполнения большого объема работы в короткие сроки и зачастую в сложных условиях. Сама же работа мне нравилась. В городском УВД я отработал около двух лет. Потом меня перевели в областное УВД в экспертно-криминалистический центр.

– Чем работа криминалиста в городском УВД отличалась от работы криминалиста в областном УВД? Или совершенно идентична?

– Там были другие виды экспертиз: дактилоскопия (метод идентификации человека по

отпечаткам пальцев), баллистика (проверка и анализ огнестрельного оружия, которым было совершено преступление), почерковедческие – это криминалистическая классика. Но были и специфические направления, например, экспертизы наркотических, психотропных и сильнодействующих веществ, экспертизы жидкостей, в том числе и спиртосодержащих, волокон, исследование сбитых номеров, следов пороха и т.д. Там, где необходимо применение других областей научных знаний, не входящих в область традиционных юридических дисциплин. Безусловно, работа в областном УВД была более интересной и разнообразной. Там я проработал почти пять лет и перешел работать в наркоконтроль на должность ведущего эксперта.

– Как складывалась работа в наркоконтроле? В чем ее специфичность? Сложно было?

– В работе имелись свои определенные особенности. Там я занимался проведением экспертиз всех видов. Наркоконтроль был создан отдельной структурой, потому что на тот момент уровень распространения наркотиков был просто колоссальный. На тот момент времени, а именно в 2003-2005 годах, в незаконном обороте находились традиционные виды наркотиков – наркотики растительного происхождения. Со временем их заменили синтетические наркотические средства. Ввиду того, что количество наименований данных видов наркотиков было очень большим, значительный объем времени тратился на их идентификацию. Очень тяжело было, мы порой не могли сразу определить, с каким веществом имеем дело, а также его состав. Наркотики быстро менялись, правительство не успевало вносить изменения в список наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых запрещен. Позже ввели понятие «производное наркотическое средство», чтобы охватить сразу все.

В итоге в наркоконтроле я проработал около 10 лет и перешел в следственный комитет в 2014 году, где на сегодняшний момент я работаю уже пять лет. Работа в СУ СК по Магаданской области, безусловно, отличается от той работы, которую я выполнял ранее. Так, должность следователя-криминалиста предусматривает возможность самостоятельного производства следственных действий вплоть до расследования уголовных дел, чего ранее мне делать не приходилось. При этом составы преступлений, которые расследуются в органах Следственного комитета РФ, отличаются от тех преступлений, с которыми мне приходилось сталкиваться ранее. Однако предыдущий опыт работы в правоохранительных органах мне очень сильно пригодился.

– В чем заключается работа следователя-криминалиста?

– Выезды на осмотры мест происшествий в составе следственно-оперативных групп, участие в производстве следственных действий, определение необходимых видов экспертных исследований в каждой конкретной ситуации, методическое обеспечение предварительного следствия, применение современных методов по поиску и изъятию вещественных доказательств с использованием криминалистической техники, раскрытие и расследование преступлений прошлых лет, по которым преступники не были установлены. Если подробно о работе на месте происшествия, то это фиксация обстановки, поиск и изъятие всех объектов, имеющих значение для уголовного дела с последующим воссозданием ситуационной модели (механизма) совершенного преступления, на основании которого выдвигаются следственные версии. В задачу следователя-криминалиста в том числе входит сбор вещественных доказательств (улик) с последующей их передачей в экспертно-криминалистические подразделения для исследования и составления заключений экспертов.

К уликам относятся различные следы и предметы, такие как следы крови, обуви, следы пальцев, оставленные на месте происшествия предметы и многое-многое другое, то есть фактически любые предметы вещной обстановки, которые могут иметь значение для раскрытия и расследования преступления. На криминалистов возлагается большая ответственность. Только после тщательно проведенной совместной работы следователя, следователя-криминалиста и иных участников следственных действий восстанавливается общая картина совершенного преступления.

– За годы Вашей работы вспомните, что первое удивило или шокировало?

– Наверное, у меня, как и у всех, шок или удивление, как вы выразились, связаны с началом работы, с первыми выездами на места происшествий.

В один из таких выездов мы поехали на осмотр места происшествия, связанного с обнаружением трупа. Сейчас, конечно, я понимаю, что это был рядовой случай, и какой-то уникальности в нем не было. Но в тот момент эмоции переполняли. В общем, мы приехали в квартиру-малосемейку, а там труп долгое время пролежал в ванной. Человек умер в горячей воде (инфаркт) и около недели в ней пролежал. Вы примерно представляете, что стало за это время с его телом?

– Не совсем...

– Посмертные изменения, которым подвергаются тела умерших, длительное время находящихся в условиях, способствующих гнилоственному разложению, значительно изменяют внешний вид человека. Иногда зрелище, признаюсь, мягко говоря, не из приятных. На тот момент мне потребовалось некоторое время для того, чтобы начать выполнять свою работу.

– Была ли ситуация, которая вызвала у Вас гнев?

– Да, может, не гнев, но близкие к нему эмоции порой испытываешь. Для меня самые тяжелые выезды на происшествия, где пострадали дети. Тяжело смотреть на безжизненное тело ребенка, эмоционально тяжело.

– При таких ситуациях Вы умудряетесь еще держать себя в руках, я бы не смогла, и, видя преступника, точнее, морального урода, разорвала бы его.

– Во-первых, от данного лица нужно получить показания. Поэтому мы ведем себя корректно. Если он готов давать показания, нельзя терять с ним контакт. Во-вторых, эмоции в таких делах не нужны – это крайне непрофессионально, на них мы потеряем слишком много времени.

– Случаются ли курьезные или позитивные моменты в ходе работы?

– Люди попадают к нам разные, совершая преступление, они не могут толком объяснить, зачем они это сделали, и их показания выглядят полным абсурдом, повергая в шок своим бессмыслием.

Был случай, в некотором смысле не поддающийся никакой логике. Женщина ушла из дома и не вернулась. Ее муж написал заявление, и следователи приступили к поиску. Мы ориентировочно нашли то место, где она была в последний раз – в гостях у подруги, которая проживала в микрорайоне Пионерный. Мы нашли эту подругу, и она нам рассказала в подробностях о том, как совершила убийство пропавшей. И даже предоставила пепельницу, которой она якобы била ее по голове. Потом, с ее слов, она труп положила на санки (дело было зимой) и отвезла его на водохранилище. У нас еще тогда закрались сомнения о правдивости ее рассказов, ведь труп не так легко на санках вывезти, тем более женщине. Но она так убедительно рассказывала, что мы решили проверить эту версию в полном объеме.

Она нас повела на водохранилище и показала то место, куда скинула труп. В том месте находился тоннель, по которому проводится сброс воды из водохранилища. Высота стен тоннеля около 7 метров, и для того, чтобы спуститься к месту, указанному женщиной, пришлось привлекать сотрудников МЧС.

Мы с ними спустились вниз и приступили к осмотру. В итоге труп не нашли. После этого вновь стали беседовать с женщиной, которая в ходе разговора призналась, что она выдумала эту историю. При этом пояснив, что это теоретически могло быть. К слову, она не была под действием наркотиков либо алкоголя и не имела каких-либо психических отклонений. Саму пропавшую женщину, точнее ее труп, мы нашли немного позже. В состоянии сильного алкогольного опьянения в позднее время суток она вышла из гостей и, не дойдя до дома, замерзла на улице.

Что касается позитива... Я бы назвал это скорее удовлетворением от результатов проведенной работы. Например, когда найденные тобой на месте происшествия объекты в конечном счете становятся бесспорным доказательством причастности лица к совершенному преступлению, и суд впоследствии выносит обвинительный приговор. Либо когда изучение изъятых на месте происшествия следов с сопоставлением всех полученных в ходе следствия иных данных позволяет последовательно сужать перечень выдвинутых на первоначальном этапе расследования версий, что в конечном итоге заканчивается установлением лица, совершившего преступление.

В данном контексте можно упомянуть и о работе по раскрытию преступлений прошлых лет, по которым преступники не были в свое время установлены. Установление виновного лица и привлечение его к уголовной ответственности спустя годы, нередко десятилетия, это очень важный результат.

Вот именно такие моменты в нашей работе приносят удовлетворение.

– На сегодняшний день на какие происшествия у вас наиболее частые выезды?

– В большинстве случаев следователи-криминалисты выезжают на осмотры мест происшествий, связанных с совершением тяжких и особо тяжких преступлений против личности, а также для производства иных следственных действий по уголовным делам данной категории.

– Как по-вашему, все ли могут работать следователями-криминалистами? Каждому ли это дано?

– Не все. Человек должен быть, в первую очередь, стрессоустойчивым, обладать железными нервами и аналитическим складом ума, усидчивым, терпеливым, внимательным, мобильным, иметь опыт следственной работы, разбираться во многих аспектах криминалистической

деятельности.

– Человек, совершивший преступление, может исправиться?

– Все зависит от того, какое преступление совершено, и от личности самого преступника. Отбыв срок наказания, некоторые лица боятся повторно оказаться в тюрьме, а есть такие, которых эта участь не пугает.

– У Вас невероятно тяжелая работа, как Вы разгружаетесь?

– Я люблю читать, когда начинаешь читать, то погружаешься в какой-то иной мир, отключаешься от проблем.

– Хотели бы, чтобы Ваши дети пошли по Вашим стопам?

– Пожалуй, нет.

– Почему?

– У меня дочь, и я считаю, что работа следователя-криминалиста не для женщины. Между тем я считаю, что человек в любом случае должен сам сделать выбор своей будущей профессии. Родители могут лишь помочь определиться с этим выбором.

25 июля отмечается День сотрудника органов следствия Российской Федерации. В преддверии этого праздника я поздравляю сотрудников следственного управления СК России по Магаданской области, а также коллег из следственных подразделений иных правоохранительных органов и желаю им профессиональных успехов, здоровья и семейного благополучия!

Автор: Наталья Мифтахутдинова

Фото: "Вечерний Магадан", СУ СК России по Магаданской области

28 Июля 2019

Адрес страницы: <https://magadan.sledcom.ru/folder/879038/item/1378179>